

Первый человек

Автор:

[Альбер Камю](#)

Первый человек

Альбер Камю

Эксклюзивная классика (АСТ)

4 января 1960 года Альбер Камю погиб в автокатастрофе. Среди обломков автомобиля была найдена его дорожная сумка и в ней – черновая версия романа «Первый человек». Через тридцать четыре года после смерти автора книга, подготовленная дочерью писателя Катрин Камю, увидела свет. Роман, по сути автобиографичный, посвящается матери Камю: «Тебе, которая никогда не сможет прочесть эту книгу», – она действительно не смогла бы прочесть его, потому что была неграмотной. Герой романа, Жак Кормери, стремясь воскресить воспоминания об отце, погибшем во время Первой мировой войны, приезжает в Алжир, где в нищете прошло его детство, которое он смог пережить благодаря любви молчаливой и неграмотной матери и учителю, изменившему его взгляд на мир. Эта история дает нам представление о том, как сформировалась личность Камю и его взгляды, и ключ к пониманию тем, лежащих в основе его творчества.

Альбер Камю

Первый человек

Серия «Эксклюзивная классика»

Albert Camus

LE PREMIER HOMME

Перевод с французского И.И. Кузнецовой

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

© Editions Gallimard, Paris, 1994

© Перевод. И. И. Кузнецова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

От переводчика

Четвертого января 1960 года, по дороге из Прованса в Париж, на скользком от зимнего дождя шоссе врезался в дерево и разбился спортивный автомобиль. За рулем сидел Мишель Галлимар, племянник знаменитого издателя Гастона Галлимара, рядом – Альбер Камю. Камю погиб сразу. Мишель Галлимар скончался через несколько дней в больнице, его жена и дочь, которых выбросило из машины, чудом уцелели. Когда спасатели извлекли тело Камю из-под груды металла, на что им понадобилось два часа, они обнаружили у него в кармане неиспользованный железнодорожный билет: он собирался ехать в Париж поездом и только накануне изменил свои планы. Среди обломков автомобиля, разметанных более чем на сотню метров вокруг, была найдена дорожная сумка Камю и в ней черновая рукопись романа «Первый человек».

Спустя много лет Катрин Камю, дочь писателя, подготовила текст к публикации. Книга вышла в апреле 1994-го, через тридцать четыре года после смерти автора.

«Камю упоминает о «Первом человеке» в своих записях начиная с 1951 года и называет его романом, – говорит Катрин Камю в интервью еженедельнику «Эвенман дю жеди». – Это должен был быть роман о женщинах, о любви и об Алжире. Камю собирал материалы об алжирской войне, они были приложены к рукописи». В той же дорожной сумке лежал блокнот с планами и заметками. Судя по этим записям, роман должен был состоять из трех частей. Камю успел написать первую и, видимо, примерно половину второй. Роман посвящается матери и по сути своей автобиографичен, хотя, как явствует и из самого текста, и из заметок Камю, это «в то же время (курсив автора) история конца целого мира – пронизанная сожалением о годах света...». Мир, который имеет в виду Камю, это арабо-французская цивилизация в Алжире, где он родился и вырос в эпоху, когда арабы и французы еще спокойно уживались на этой земле. В какой-то момент Камю хотел назвать книгу «Адам». «По существу, каждый из нас, и я в том числе, – сказал он в 1959 году журналисту одной из итальянских газет, – это в некотором смысле первый человек, Адам своей собственной истории». Есть у этого названия и более конкретный смысл: первым человеком, оторванным от своих корней, ощущал себя в Африке любой француз-эмигрант, даже если он, как и сам Камю, там родился.

В разговорах с друзьями Камю иногда называл будущую книгу своей «Войной и миром». По абсурдной – используя термин Камю – прихоти судьбы огромный замысел воплотился всего лишь на ста сорока четырех страницах, к тому же пролежавших под спудом треть столетия. Однако и этих страниц оказалось достаточно для ошеломляющего успеха. За две недели был распродан весь первый тираж – 125 000 экземпляров. Около двух десятков издательств из других стран запросили права на перевод. «Это книга-друг, которая теперь всегда будет с нами», – пишет Мишель Курно в еженедельнике «Нувель обсерватёр». «Во Франции сейчас возник своего рода культ Камю. Успех «Первого человека» невероятный. Мы никогда ничего подобного не видели» (Антуан де Годмар, «Либерасьон»). «Чтобы в черновике мог с такой силой проявиться талант – это уже чудо. «Первый человек» в том виде, в каком он есть, мгновенно станет классикой» (Пьер Анкель, «Эвенман дю жеди»). «Каждое неразборчивое слово, каждое многоточие будоражит наше воображение. Таков парадокс оборванных смертью книг: в большей степени, чем все остальные, они кажутся нам живыми» (Флоранс Нуавиль, «Монд»).

Почему же этой рукописи, пусть черновой, но представляющей собой целостное повествование и принадлежащей перу нобелевского лауреата, пришлось ждать своего часа тридцать с лишним лет? После смерти Камю его друзья – поэт Рене Шар, Робер Галлимар (отец погибшего Мишеля), Роже Гренье (один из ведущих сотрудников издательства «Галлимар»), Жан Гренье (философ, в прошлом преподаватель алжирского лицея, где учился Камю; в тексте романа назван инициалами Ж.Г.) – прочли первую машинописную копию рукописи, сделанную женой Камю, Франсин, и единодушно решили, что публиковать ее не следует, ибо сырой, не правленный автором текст вряд ли принесет Камю новую славу и только даст лишние аргументы в руки его недоброжелателям. Сейчас это может вызвать удивление, особенно после триумфа книги, но тогда, в шестидесятом году, в разгар алжирской войны, иное решение могло, вероятно, оказаться губительным для последующей судьбы романа.

Отношение к войне в Алжире было среди французской левой интеллигенции однозначным и непримиримым. Североафриканских французов, прозванных вполне красноречиво «черноногими», не жаловали в метрополии, куда они вынуждены были бежать, бросая за морем свои дома и возделанные земли. Алжир, а не Франция, постепенно стал для этих людей родиной, с трудом обретенной на чужом континенте, а потом безвозвратно потерянной. Один из временных пластов романа Камю охватывает этот драматический момент утраты: герой в поисках «своей собственной истории» приезжает из Парижа в Алжир и застаёт едва ли не последние дни того «царства нищеты и света», в котором прошло его детство.

В ситуации, когда общественность хором клеймила колониальную войну, посмертная публикация «Первого человека» с его ностальгией и трагическим осмыслением алжирских событий вполне могла сыграть роль красного плаща на арене корриды. Отношение Камю к этой теме было слишком сложным, чтобы укладываться в рамки политической кампании, не говоря уже о том, что его мать, несмотря на массовую эмиграцию французов из Алжира, по-прежнему оставалась там. Получая в 1957 году Нобелевскую премию, он сказал одному из журналистов: «Между справедливостью и матерью я выбираю мать». Разумеется, это замечание не осталось без язвительных комментариев прессы, для которой Камю уже давно стал объектом довольно пристрастной критики.

Началось это с его разрыва с Сартром, с которым их связывала тесная дружба с сорок четвертого года. Ссора произошла после выхода в 1951 году философской книги Камю «Бунтующий человек», где он осудил историческую утопию Маркса,

обернувшуюся политическим цинизмом Ленина и сталинским террором. Сегодня не только нам, но и французам, если только они сами не застали то время, трудно представить себе, какого мужества требовала в сверхполитизированной послевоенной Франции подобная позиция по отношению к Советскому Союзу. Если человек не причислял себя к правым – что для Камю было совершенно невозможно, – то изобличая (за пять лет до речи Хрущева на XX съезде) сталинский социализм, он как бы бросал вызов «своим», нарушал табу, рискуя не только репутацией, но и определенным местом в обществе. В молодости членство Камю в компартии ограничилось двумя годами (1935–1937). Неприятие политического насилия уводило его все дальше и дальше от бывших единомышленников, причем не только от коммунистов, но и от той части левой интеллигенции, чьим признанным мэтром и лидером был Сартр. Сартровский выбор «грязных рук», иначе говоря, согласие запятнать себя кровью во имя будущего блага человечества, был для Камю неприемлем. Их полемика, начавшаяся в 1952 году на страницах журнала «Тан модерн», глухо продолжалась потом уже в самих произведениях обоих писателей и закончилась лишь со смертью Камю. Камю не мог простить Сартру его «ультрабольшевизм», Сартр обвинял Камю в «буржуазном мировоззрении».

Между тем иметь «буржуазное мировоззрение» считалось в Париже, гордом по сей день своими баррикадами, весьма дурным тоном. Тот, кто вешал на писателя подобный ярлык, заведомо отдавал его на растерзание прессе. Присуждение Камю Нобелевской премии только подлило масла в огонь, о чем можно судить по некоторым газетным откликам тех дней: «Присуждая премию Камю, Нобелевский комитет увенчал исчерпавшее себя творчество» (Жан Лоран, «Ар»). «Желая прославить молодого писателя, не благословила ли шведская Академия ранний склероз?» (Роже Стефан, «Франс-Обсерватёр»).

Подавленный этой атмосферой враждебности, окружавшей его имя, и развитием событий в Алжире, Камю в последние годы жизни ничего не публиковал. На деньги Нобелевской премии он купил дом в Провансе, в деревне Лурмарен, где находится теперь на деревенском кладбище его могила, и вдали от Парижа занялся работой над будущим романом.

Прошло время, страсти улеглись, и публикация рукописи стала возможна. Началась тяжелая и кропотливая работа над текстом. Два года дочь Камю работала с лупой и увеличенными фотокопиями, расшифровывая его мелкую скоропись. «Когда у Камю заканчивались в ручке чернила, он все равно продолжал писать», – рассказывает она. Мучили ее и вполне естественные

сомнения: «Камю по шесть раз перерабатывал свои рукописи. Он наверняка не стал бы печатать текст в таком виде. Через это трудно переступить». Некоторая путаница в именах персонажей и все стилистические шероховатости, которых в этой черновой рукописи совсем немного, в публикации (и в переводе) сохранены.

Когда отец погиб, Катрин было четырнадцать лет, но из рассказов матери она знала, что Камю был недоволен тем, как у него шла работа, и хотел уничтожить большую часть написанного, чтобы начать все сначала. Однако не уничтожил – может быть, просто не успел, и роман вышел – такой, каким застала его смерть автора. Никто, в том числе и Катрин Камю, не предполагал, что прием будет столь восторженным, и две недели спустя, отвечая на вопросы газеты «Монд», она с радостным удивлением признается: «Я не ожидала, что новая встреча с Камю будет таким счастьем!»

Ирина Кузнецова

К читателю

Сегодня мы публикуем рукопись «Первого человека». Камю работал над ней перед смертью. Рукопись была найдена в его дорожной сумке 4 января 1960 года. Она состояла из 144 страниц, написанных как писалось, местами без точек и запятых, быстрым неразборчивым почерком, без всякой последующей правки (см. воспроизведение листов рукописи в тексте).

Текст подготовлен по рукописи и первой машинописной копии, сделанной Франсин Камю. Для облегчения понимания мы восстановили пунктуацию. Слова, в прочтении которых мы не уверены, взяты в квадратные скобки. Там, где расшифровать слово не удалось, в квадратных скобках оставлен пробел.

В сносках звездочкой обозначены варианты, надписанные в рукописи над строкой; буквой – пометки на полях, цифрой – примечания издателя.

В приложения вошли листки (мы пронумеровали их от I до V): два были вложены в рукопись (листок I – перед главой четвертой, листок II – перед главой 6-бис),

остальные (III, IV и V) лежали в конце.

Блокнот, озаглавленный «Первый человек (Заметки и планы)», – маленький блокнот в клетку на проволочной спирали, который поможет читателю представить себе, как автор собирался в дальнейшем строить свое произведение, – тоже печатается в приложениях, после листков.

Когда вы прочтете «Первого человека», вы поймете, почему мы добавили к приложениям письмо, которое Альбер Камю после присуждения ему Нобелевской премии отправил своему учителю Луи Жермену, и последнее письмо Луи Жермена к нему.

Мы приносим благодарность Одетт Диань Креаш, Роже Гренье и Роберу Галлимару за помощь, которую они оказывали нам с неизменной дружеской самоотверженностью.

Катрин Камю

I. Поиски отца

Хранительница – вдова Камю

Тебе, которая никогда не сможет

прочитать эту книгу[1 - В сносках звездочкой обозначены варианты, надписанные в рукописи над строкой; буквой – пометки на полях, цифрой – примечания издателя.Добавить геологическую безымянность пространства. Земля и море.]

Над повозкой, ехавшей в сумерках по каменистой дороге, неслись к востоку густые тяжелые тучи. Тремя днями раньше они закружились и набухли над Атлантическим океаном, дождались западного ветра и тронулись: они двигались сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, проплыли над

фосфоресцирующей осенней водой, достигли материка, повисли ключьями[2 - Сольферино.] на марокканских хребтах, потом снова сбились гуртом на высоких плато Алжира и теперь, подойдя к тунисской границе, устремились к Тирренскому морю, чтобы там затеряться. После гонки в несколько тысяч километров над пространством гигантского острова, окруженного с севера беспокойной водной стихией, а с юга – неподвижным морем песка, промчавшись над этой безымянной землей не намного быстрее, чем проходили по ней в былые века империи и народы, они потеряли разбег, отяжелели, и некоторые из них уже растекались, роняя крупные редкие капли, стучавшие по брезенту повозки над головой четверых путешественников.

Повозка скрипела, катясь по едва утрамбованной, хотя и четко обозначенной дороге. Время от времени из-под железного обода или из-под копыт вылетали искры и мелкий камешек ударялся о деревянную стенку повозки или глухо шлепался на рыхлую землю обочины. Однако пара в упряжке шла ровно, небольшие лошадки спотыкались лишь изредка и, выгибая грудь, тянули повозку с тяжелым скарбом, неуклонно оставляя позади километры дороги. Одна временами шумно выпускала воздух через ноздри и сбивалась с ноги. Тогда араб, правивший лошадыми, хлестал ее плашмя потертыми[3 - потрескавшимися от старости.] вожжами, и она снова выравнивала шаг.

Человек, сидевший спереди, подле кучера, француз лет тридцати, молча смотрел на колыхавшиеся перед ним крупы. Крепкий, коренастый, светлоглазый, с продолговатым лицом, высоким прямым лбом и энергичным подбородком, он был одет, несмотря на позднюю осень, в тиковую куртку на трех пуговицах, застегнутую по тогдашней моде под горлом, и легкий картуз[4 - или что-то вроде котелка?], из-под которого виднелись коротко подстриженные волосы[5 - в грубых башмаках.]. Когда по капоту забарабанил дождь, он обернулся и заглянул в глубь повозки: «Как ты?» – крикнул он. С задней скамьи, зажатой между козлами и нагромождением старых чемоданов, ему слабо улыбнулась бедно одетая, закутанная в широкую грубошерстную шаль женщина. «Да, да», – отозвалась она и слегка взмахнула рукой, словно извиняясь. Прижавшись к ней, спал четырехлетний мальчик. У нее было нежное правильное лицо, волосы, как обычно у испанок, черные и вьющиеся, маленький прямой нос, красивые и теплые карие глаза. Но что-то в этом лице поражало. Не столько даже сковавшая его маска усталости или внутреннего напряжения, сколько некий отсутствующий взгляд, выражение тихой отрешенности, постоянно блуждающее на лицах некоторых юродивых, но проступавшее лишь мимолетно в прекрасном облике этой женщины. В ее необычайно добрых глазах мелькал порой отсвет беспричинного страха, который тут же угасал.

Загрубевшей от работы, чуть узловатой в суставах рукой она легонько похлопала мужа по спине: «Все хорошо, хорошо», – сказала она. И, сразу перестав улыбаться, выглянула из-под брезента на дорогу, где уже блестели лужи.

Мужчина повернулся к невозмутимому арабу в тюрбане с желтой тесьмой, казавшемуся толстяком из-за широченных, стянутых над икрами шаровар. «Далеко еще?» Араб улыбнулся сквозь густые седые усы. «Восемь километров, и ты на месте». Мужчина оглянулся, посмотрел на жену, без улыбки, но заботливо. Она не сводила глаз с дороги. «Дай мне вожжи», – сказал мужчина. «Как угодно». Араб повиновался, они поменялись местами. Двумя ударами вожжей пассажир овладел лошадьми, те выправили шаг и сразу пошли быстрее. «Ты знаешь лошадей», – сказал араб. Последовал краткий, без улыбки, ответ: «Знаю».

Сумерки угасали, и внезапно наступила полная тьма. Араб снял с подставки квадратный фонарь, повернулся спиной к лошадям и, испортив несколько грубых спичек, зажег в нем свечу. Потом поставил фонарь на прежнее место. Дождь стучал теперь мерно и тихо. Он поблескивал в круге тусклого света и наполнял окружающий мрак легким шорохом. Иногда у обочины возникали заросли колючего кустарника или низкорослые деревья, на несколько секунд слабо высвеченные фонарем. Но большую часть времени они ехали среди голых равнин, казавшихся еще необъятнее из-за темноты. Только запахи выжженных трав да порой острый дух удобрений говорили о том, что тут есть возделанные земли. Женщина сзади что-то сказала, возница слегка придержал лошадей и наклонился к ней. «Здесь так безлюдно», – сказала она. «Тебе страшно?» – «Что-что?» Мужчина повторил, на сей раз почти крича. «Нет, нет, с тобой я не боюсь». Но она выглядела встревоженной. «Тебе больно», – сказал мужчина. «Немного». Он подхлестнул лошадей, и снова громкий стук восьми подкованных копыт и скрип колес, вдавленных в колеи, наполнили тьму.

То была осенняя ночь 1913 года. Путешественники выехали двумя часами раньше со станции Бон, куда прибыли из Алжира, проведя сутки на жестких скамьях вагона третьего класса. Они отыскиали там араба с лошадьми, который ждал их, чтобы доставить в усадьбу, расположенную возле небольшой деревеньки, километрах в двадцати от города, – мужчине предстояло работать там управляющим. Какое-то время ушло на то, чтобы погрузить чемоданы и прочий багаж, да еще их задержала плохая дорога. Словно почувствовав беспокойство своего спутника, араб сказал: «Не бойтесь, бандитов здесь нет». –

«Они есть везде, – отозвался француз. – Но я для них кое-что припас». И он похлопал себя по внутреннему карману. «Ты прав, – согласился араб. – Ненормальных всюду хватает». В этот момент женщина окликнула мужа: «Анри, мне больно». Мужчина чертыхнулся и еще подхлестнул лошадей[6 - Мальчик.]. «Уже близко», – сказал он. Минуту спустя он оглянулся. «Болит?» Она улыбнулась ему странной отрешенной улыбкой, лицо ее при этом не выражало муки. «Да, очень». Он посмотрел на нее все так же серьезно. Она опять сделала извиняющийся жест. «Ничего. Это, наверно, от тряски». – «Смотри, – сказал араб. – Вон деревня». В самом деле, чуть впереди, слева от дороги, виднелись затуманенные дождем огни Сольферино. «Но ты бери вправо», – посоветовал араб. Мужчина заколебался, повернулся к жене. «Едем в деревню или домой?» – спросил он. «Домой, лучше домой». Проехав еще немного, они свернули направо, к ожидавшему их незнакомому дому. «Еще километр», – сказал араб. «Мы уже почти приехали», – крикнул француз жене. Она сидела скорчившись, закрыв лицо руками. «Люси», – позвал он. Она не шевельнулась. Мужчина тронул ее за плечо. Она беззвучно плакала. Он закричал, жестикулируя и старательно выговаривая каждый слог: «Ты сейчас сможешь лечь. Я съезжу за доктором». – «Да, съезди. По-моему, началось». Араб смотрел на них с недоумением. «Она рожает, – сказал мужчина. – В деревне есть врач?» – «Да. Если хочешь, я привезу его». – «Нет, ты оставайся в доме. Присмотри за ней. Я обернусь скорее. Есть у него машина или лошадь?» – «Машина». Араб повернулся к женщине: «У тебя будет мальчик. Красавец». Женщина улыбнулась ему, явно не понимая, что он говорит. «Она плохо слышит, – сказал мужчина. – Дома кричи громче и все показывай жестами».

Повозка вдруг покатила почти бесшумно. Сузившаяся внезапно дорога была вымощена туфом. Она вела вдоль крытых черепицей сараев, за которыми виднелись первые ряды виноградников. В нос им ударил острый запах виноградного сусли. Затем они миновали какие-то длинные строения с высокими крышами, и колеса зашуршали по шлаку – это было что-то вроде двора, голого, без единого деревца. Араб, молча перехватив вожжи, резко их натянул. Лошади остановились, одна из них захрапела[7 - Темно?]. Араб указал на маленький, выбеленный известью домик. Низкая дверь с голубыми от купороса краями была увита виноградом. Мужчина спрыгнул с повозки и побежал под дождем к дому. Он отворил дверь. Она вела в темное помещение, где пахло остывшим очагом. Араб прошел в темноте к камину и, чиркнув охотничьей спичкой, зажег керосиновую лампу, висевшую над круглым столом. Мужчина беглым взглядом окинул побеленную кухню с облицованной красными плитками раковиной, старым буфетом и отсыревшим календарем на стене. Лестница, тоже из красных плиток, вела на второй этаж. «Затопи», – сказал он арабу и вернулся к повозке.

(Отнес в дом мальчика?) Женщина молча ждала.

Он взял ее на руки, чтобы поставить на землю, и, задержав на миг в объятиях, заглянул ей в лицо. «Ты идти можешь?» – «Да», – проговорила она и узловатыми пальцами погладила его по плечу. Он провел ее к дому. «Подожди», – сказал он. Араб уже развел огонь и ловкими привычными движениями подбрасывал в очаг сухие виноградные побеги. Женщина остановилась у стола, обхватив руками живот, и по ее красивому запрокинутому лицу, освещенному керосиновой лампой, пробежали короткие судороги боли. Казалось, она не замечает ни сырости, ни запаха запустения и нищеты. Мужчина возился в комнатах наверху. Потом он вышел на лестницу. «В спальне камина нет?» – «Нет, – отозвался араб. – И в другой комнате тоже». – «Иди сюда», – сказал мужчина. Араб поднялся к нему. Через несколько минут он появился снова, пятясь и таща матрац, который мужчина держал за другой конец. Они положили его у очага. Приезжий отодвинул стол в угол, а араб снова поднялся наверх и вскоре спустился с подушкой в виде валика и одеялами. «Ложись», – сказал мужчина жене и подвел ее к матрацу. Она остановилась в нерешительности. Теперь отчетливо чувствовался запах сырого конского волоса, поднимавшийся от матраца. «Я не могу раздеться», – сказала она, опасливо оглядываясь вокруг, словно только что заметила обстановку дома... «Сними нижнее белье», – сказал мужчина. И повторил: «Сними нижнее белье». Потом повернулся к арабу: «Спасибо. Выпряги лошадь. Я поеду верхом». Араб вышел. Женщина раздевалась, стоя спиной к мужу, который тоже отвернулся. Затем она легла и, едва натянув на себя одеяла, вдруг закричала, протяжно, открытым ртом, будто хотела разом дать выход всей накопившейся боли. Мужчина стоял перед матрацем, не пытаясь унять ее крик, а когда она смолкла, снял картуз, встал на одно колено и поцеловал прекрасный лоб над закрытыми веками. Потом снова надел картуз и вышел под дождь. Распряженная лошадь вертела крупом, упираясь передними ногами в шлак. «Я поищу седло», – сказал араб. «Не надо, оставь вожжи. Я поеду так. Отнеси вещи в кухню. У тебя есть жена?» – «Умерла. Она была старая». – «А дочь?» – «Нет, хвала небу. Есть жена сына». – «Скажи ей, чтоб пришла». – «Хорошо. Поезжай с миром». Мужчина посмотрел на старого араба, который улыбался ему сквозь мокрые усы, неподвижно стоя под мелким дождем. Сам он так и не улыбнулся, а лишь продолжал смотреть на него внимательными, светлыми глазами. Потом протянул ему руку, которой тот коснулся по арабскому обычаю кончиками пальцев и поднес пальцы к губам. Мужчина повернулся, скрипнув каблуками по шлаку, подошел к лошади, вскочил ей на спину и уехал тяжелой рысью.

Оставив позади усадьбу, он двинулся в сторону развилки, откуда они в первый раз увидели огоньки деревни. Теперь огни светили ярче, дождь перестал, уходившая вправо дорога вела в деревню прямо через виноградники, и было видно, как в них местами поблескивает мокрая проволока. Примерно на полпути лошадь сама сбавила ход и пошла шагом. Они подъехали к какому-то прямоугольному сооружению: одна половина его была каменной и явно жилой, а другая, большая, – дощатой, с широким навесом над чем-то вроде полукруглого прилавка. В каменной части виднелась дверь с надписью: «Сельскохозяйственная столовая мадам Жак». Из-под двери пробивался свет. Мужчина остановил лошадь прямо у входа и, не спешиваясь, постучал. Из-за двери тут же отозвался звонкий, решительный голос: «Кто там?» – «Я новый управляющий усадьбы Сент-Апотр. У меня жена рождает. Нужна помощь». Никто не ответил. Через некоторое время защелкали задвижки, кто-то долго отодвигал и снимал засовы, потом дверь приоткрылась. Он увидел кудрявые черные волосы и европейское женское лицо с круглыми щеками и чуть приплюснутым носом над полными губами. «Меня зовут Анри Кормери. Вы не могли бы пойти к моей жене? Я еду за врачом». Она взглянула на него острыми, пронизательными глазами, привыкшими оценивать людей и смотреть в лицо опасности. Он твердо выдержал ее взгляд, но не добавил ни слова. «Хорошо, сейчас, – сказала она. – Поезжайте, не теряйте времени». Он поблагодарил ее и ударил лошадь каблуками. Через несколько минут он въехал в деревню, миновав нечто вроде земляных укреплений. Перед ним лежала деревенская улица, судя по всему, единственная, с маленькими, похожими друг на друга одноэтажными домиками; он доехал по ней до небольшой площади, вымощенной туфом, где на его пути неожиданно вырос металлический каркас музыкальной эстрады. Площадь, как и улица, была пустынна. Кормери уже направился было к ближайшему дому, как лошадь вдруг шарахнулась в сторону. Из темноты возник араб в рваном бурнусе, шедший ему навстречу. «Где живет доктор?» – едва увидев его, спросил Кормери. Араб внимательно оглядел его. «Поезжай за мной», – сказал он. Они двинулись по улице в обратную сторону. На одном из зданий с высоким фундаментом и побеленной известью лестницей было написано: «Свобода. Равенство. Братство». Рядом, за невысокой оштукатуренной стеной, темнел палисадник, в глубине которого виднелся дом. «Здесь», – указал араб. Кормери соскочил с лошади и быстрым шагом, в котором не чувствовалось усталости, пересек палисадник, не обнаружив там никакой растительности, кроме единственной чахлой пальмы с высохшими ветвями и гнилым стволом. Он постучал в дверь. Никто не ответил [8 - Я воевал с марокканцами (двусмысленный взгляд) – дрянь люди.]. Он оглянулся. Араб молча стоял и ждал. Кормери постучал снова. В доме слышались шаги и остановились у двери. Но она не открылась. Кормери постучал еще раз и сказал: «Мне нужен врач».

Засовы тут же были отодвинуты, и дверь отворилась. Вышел высокий, крепкий мужчина в гетрах, с молодым розовощеким лицом, но почти совсем седой. Он натягивал охотничью куртку. «Господи, откуда вы взялись? – спросил он с улыбкой. – Я никогда вас не видел». Кормери объяснил, кто он. «Ах да, мэр говорил мне про вас. Но что это вам вздумалось ехать в такую дыру рожать?» Кормери ответил, что, по их расчетам, это должно было произойти позже, но, видимо, они ошиблись. «Ничего, бывает. Поезжайте домой. Я оседлаю Матадора и поеду следом».

На полпути, под вновь зарядившим дождем, доктор на серой в яблоках лошади нагнал Кормери, который уже насквозь промок, но по-прежнему держался в седле прямо. «Веселое у вас новоселье, – крикнул ему доктор. – Но вы увидите, здесь вовсе не так плохо, если не считать moskitov и местных банд».

Он поравнялся с Кормери. «Что касается moskitov, то до весны можете быть спокойны. А вот насчет бандитов...» Он засмеялся, но его спутник по-прежнему ехал молча. Врач с любопытством посмотрел на него: «Не бойтесь, – сказал он, – все будет хорошо». Кормери устремил на врача спокойные светлые глаза и сказал с оттенком теплоты в голосе: «Я не боюсь. Я привык к передрягам». – «Это первенец?» – «Нет, у меня сын четырех лет, я оставил его в Алжире у тещи»[9 - 1 Противоречит стр. 16: «прижавшись к ней, спал четырехлетний мальчик»]. Они подъехали к развилке и свернули в сторону усадьбы. Вскоре из-под лошадиных копыт полетел шлак. Когда лошади остановились и стало тихо, они услышали из дома громкий крик. Оба спешили.

Какая-то тень поджидала их у дверей под диким виноградом, с которого струйками стекала вода. Подойдя ближе, они увидели старого араба, прикрывавшего голову мешком. «Здравствуй, Каддур, – сказал врач. – Как там дела?» – «Не знаю, я никогда не захожу к женщинам». – «Хорошее правило, – сказал врач. – Особенно, когда они кричат». Но больше никаких криков не было слышно. Доктор отворил дверь и вошел, Кормери последовал за ним.

В камине горело высокое пламя, освещая комнату ярче, чем медная керосиновая лампа, висевшая под потолком. Раковина справа от входа оказалась завалена металлическими кувшинами и полотенцами. Слева, перед маленьким шатким буфетом светлого дерева, стоял теперь сдвинутый из центра комнаты стол. На нем валялись какие-то свертки, шляпная картонка, потертый саквояж. Во всех углах громоздились старые чемоданы и среди них большая плетеная корзина;

вещи занимали всю комнату, свободное место оставалось только посередине, возле огня. Там на матрасе, повернутом под прямым углом к камину, чуть запрокинув голову, лежала женщина. Волосы ее разметались по подушке без наволочки. Одеяла покрывали теперь лишь верхнюю половину тела. Рядом стояла на коленях хозяйка столовой, заслоняя открытую часть матраса. Она выжимала над тазом полотенце, и с него капала красная вода. Напротив, по-восточному поджав под себя ноги, сидела арабская женщина с открытым лицом, протягивая жестом дарительницы другой эмалированный таз, чуть облупившийся, над которым поднимался густой пар. Между ними белела подстеленная под роженицу сложенная простыня. Тени и отсветы пламени скользили по стенам, выбеленным известью, по разбросанным чемоданам, покрывали красными бликами лица возившихся у огня сиделок и тело женщины под грудой одеял.

Когда вошли мужчины, арабка быстро взглянула на них и, коротко хохотнув, снова отвернулась к огню, по-прежнему держа таз худыми смуглыми руками. Хозяйка столовой, увидев их, радостно воскликнула: «Вы уже не нужны, доктор. Все произошло само собой». Она встала, и мужчины увидели на матрасе что-то бесформенное и окровавленное, неподвижное, но чуть заметно подрагивающее[10 - как некоторые клетки под микроскопом.] и издававшее теперь тихий протяжный звук, похожий на глухое поскрипывание, едва уловимое ухом. «Ну что ж, – отозвался доктор. – Надеюсь, вы не трогали пуповину?» – «Нет, – смеясь ответила женщина. – Надо же было хоть что-нибудь вам оставить». Она отошла, уступив место доктору, который снова заслонил новорожденного от Кормери, застывшего на пороге с картузом в руке. Доктор присел на корточки, открыл свой чемоданчик, взял из рук второй женщины таз, и та сразу же отошла от освещенного места, скрывшись в темном углу за камином. По-прежнему стоя спиной к двери, доктор вымыл руки, потом полил их спиртом, слегка отдающим виноградной водкой, и спиртной дух тут же наполнил комнату. В этот миг роженица подняла голову и увидела мужа. Чудесная улыбка преобразила ее красивое измученное лицо. Кормери подошел к матрасу. «Вот он», – выдохнула она и протянула руку к ребенку. «Да, да, – сказал доктор. – Лежите спокойно». Женщина вопросительно посмотрела на него. Кормери, стоявший в ногах, успокоил ее знаком. «Лежи». Она откинулась на подушку. Доктор возился, склонившись над одеялом. Потом он выпрямился и встряхнул что-то перед собой. Раздался слабый крик. «Мальчик, – сказал врач. – К тому же красавчик». – «Он хорошо начал, – сказала хозяйка столовой. – С новоселья». Арабка в углу засмеялась и захлопала в ладоши. Кормери посмотрел на нее, и она смущенно отвернулась. «Хорошо, – сказал доктор. – А теперь оставьте нас ненадолго одних». Кормери взглянул на жену. Лицо ее по-

прежнему было запрокинуто. Только руки, спокойно лежавшие поверх грубого одеяла, еще напоминали об улыбке, которая только что наполнила и преобразила убогую комнату. Он надел картуз и направился к двери. «Как назовете?» – крикнула хозяйка столовой. «Еще не знаю, мы об этом не думали». Он посмотрел на ребенка. «Мы назовем его Жак, в вашу честь, потому что вы были рядом». Она залилась смехом, и Кормери вышел. Под виноградом по-прежнему стоял араб, накрывшись мешком. Он взглянул на Кормери, но тот ничего не сказал. «Держи», – сказал араб, протягивая ему кончик мешка. Кормери накрылся. Он чувствовал прикосновение плеча старого араба, запах дыма, шедший от его одежды, и дробное постукивание капель по мешку над их головами. «Мальчик», – сказал он, не глядя на араба. «Хвала небу, – отозвался тот. – Ты большой человек». Вода, скопившаяся за тысячи километров отсюда и пришедшая из такой дали, лилась перед ними на шлак, усеянный множеством лужиц, и на темные виноградники, где по-прежнему мерцали отблески мокрой проволоки. Она уже не дойдет до моря на востоке и будет теперь заливать здешний край, болотистую пойму реки и окрестные горы, всю эту огромную, почти безлюдную землю, чей острый запах вдыхали сейчас двое мужчин, стоя вплотную друг к другу под одним мешком, пока у них за спиной то затихал, то вновь раздавался слабый крик.

Поздно ночью, лежа в майке и кальсонах на втором матрасе подле жены, Кормери смотрел, как пляшут на потолке блики огня. Комната была прибрана. По другую сторону от жены, в бельевой корзине, лежал ребенок, совсем тихо, лишь время от времени издавая слабое бульканье. Жена тоже спала, повернувшись к нему лицом и чуть приоткрыв рот. Дождь перестал. Завтра надо будет приниматься за работу. Загрубелая, почти шершавая рука жены, лежавшая рядом с ним, тоже напоминала ему о работе. Кормери протянул руку, тихонько положил ее на ладонь жены и, откинувшись на подушку, закрыл глаза.

Сен-Бриё

[11 - С самого начала показать в Жаке чудовище.]Сорок лет спустя, в коридоре поезда, шедшего в Сен-Бриё, стоял человек и неодобрительно смотрел, как под бледным солнцем весеннего дня проплывает мимо плоская тесная низина, усеянная на всем пути от Парижа до Ла-Манша деревьями и уродливыми постройками. Луга и пахотные земли, которые возделываются веками до последнего квадратного метра, сменяли друг друга. В плаще, без шляпы,

коротко стриженный, с тонким удлинённым лицом и прямым взглядом голубых глаз, пассажир был хорошо сложен и, несмотря на свои сорок лет, выглядел худощавым. Ворота его плаща были распахнуты, сильные руки спокойно лежали на поручне, он стоял, непринужденно выставив вперед ногу, и казался уверенным и энергичным. Поезд замедлил ход и остановился на маленькой невзрачной станции. Молодая женщина, довольно элегантно, прошла по перрону мимо окна, где стоял мужчина. Она остановилась, чтобы переложить чемодан в другую руку, и в этот миг заметила его. Он смотрел на нее улыбаясь, и она, не удержавшись, улыбнулась в ответ. Мужчина опустил стекло, но поезд уже тронулся. «Жаль», – сказал он. Женщина все еще улыбалась.

Пассажир вернулся в купе третьего класса и сел на свое место у окна. Напротив него мужчина с редкими прилизанными волосами, явно моложе, чем можно было предположить по одутловатому, в красных прожилках лицу, сидел согнувшись, с закрытыми глазами, и шумно дышал, определенно страдая от трудностей пищеварения; время от времени он бросал быстрые*[12 - * тусклые.]взгляды на своего визави. Рядом с ним принаряженная крестьянка в причудливой шляпе, украшенной восковой виноградной гроздью, вытирала нос рыжему ребенку с тусклым бесцветным лицом. Улыбка исчезла с лица путешественника. Он достал из кармана журнал и начал рассеянно читать статью, вызывавшую у него зевоту.

Через некоторое время поезд остановился, и небольшая табличка с надписью «Сен-Бриё» медленно всплыла в проем окна. Пассажир встал, легко снял с багажной сетки чемодан, попрощался с попутчиками, ответившими ему с удивлением, и, быстро выйдя из купе, спустился по трем вагонным ступенькам на перрон. Там он посмотрел на измазанную сажей ладонь, которой брался за медную ручку вагона, вынул носовой платок и тщательно вытер руку. Потом направился к выходу вместе с толпой постепенно нагнавших его пассажиров, одетых в темное, с одинаковым землистым цветом лица. Он терпеливо встал в очередь под навесом с маленькими колоннами, отдал свой билет, потом подождал, пока молчаливый дежурный его вернет, прошел через зал ожидания, где единственным украшением грязных голых стен были старые плакаты, на которых даже Лазурный берег окрасился в угольные тона, и в косых предвечерних лучах солнца быстро зашагал по улице к центру города.

В гостинице он спросил забронированный заранее номер, отказался от услуг горничной с похожим на картофелину лицом, которая хотела поднести ему чемодан, но, когда она привела его в номер, дал ей чаевые, вызвавшие на ее лице подобие симпатии. Потом он еще раз вымыл руки и тем же быстрым шагом

снова спустился вниз, не заперев дверь на ключ. В холле он увидел горничную, спросил у нее, как пройти к кладбищу, получил многословные объяснения, любезно выслушал их и пошел в указанном направлении. Он шел по унылым узким улицам с однообразными скучными домами, крытыми уродливой красной черепицей. Лишь иногда старые дома с выступающими наружными балками радовали глаз покосившейся шиферной крышей. Редкие прохожие даже на миг не задерживались перед витринами, заполненными посудой, шедеврами из пластика и нейлона и чудовищной керамикой, какую можно встретить в любом городе современного Запада. Только в продуктовых лавках царило изобилие. Кладбище было обнесено высокими угрюмыми стенами. Неподалеку от ворот – жалкие цветочные лотки и мастерские по изготовлению надгробий. У двери одной из них приезжий остановился, засмотревшись на мальчика с живым смысленным личиком, который делал уроки на могильной плите, еще не имевшей надписи. Он вошел в ворота и свернул к домику сторожа. Сторожа не было. Он подождал в тесной, плохо обставленной конторе, потом обнаружил план кладбища и принялся его изучать. Тут появился сторож. Это был высокий жилистый человек с крупным носом, пропахший потом в своей наглухо застегнутой куртке. Приезжий спросил, здесь ли похоронены жертвы Первой мировой войны. «Да, – ответил сторож, – этот участок называется «Память Франции». Как фамилия покойника?» – «Анри Кормери», – ответил посетитель.

Сторож раскрыл большую книгу, обернутую в упаковочную бумагу, и провел коричневатым пальцем по списку фамилий. Палец остановился. «Кормери Анри, – прочел сторож. – Смертельно ранен в битве на Марне, скончался в Сен-Бриё 11 октября 1914 года». – «Это он», – сказал посетитель. Сторож закрыл книгу. «Пойдемте», – сказал он. И повел его к первым рядам могил – одни были скромные, другие – претенциозные и уродливые, разукрашенные мраморными завитушками и блестящей мишурой, способной обезобразить все что угодно. «Родственник?» – рассеянно спросил сторож. – «Отец». – «Тяжело», – посочувствовал тот. «Да нет, мне и года не было, когда он погиб. Так что сами понимаете». – «Да, – сказал сторож, – и все-таки. Слишком много было убитых». Жак Кормери не ответил. Конечно, убитых было слишком много, но что касается отца, то Жак не мог внушить себе скорбь, которой не чувствовал. Все эти долгие годы, что он жил во Франции, он собирался сделать то, о чем его мать, оставшаяся в Алжире, так давно просила его: съездить на могилу отца, на которой она сама никогда не была. Он не видел никакого смысла в этой поездке, во-первых, для самого себя, ибо не помнил отца, почти ничего не знал о нем и терпеть не мог делать что-либо ради соблюдения условностей, а во-вторых, для матери, которая никогда не говорила об отце и все равно не сумеет представить себе по его рассказам, как это кладбище в действительности выглядит. Но,

поскольку его старый наставник, выйдя на пенсию, поселился в Сен-Бриё и можно было заодно с ним повидаться, он все-таки решился наконец взглянуть на могилу этого незнакомого покойника и даже постарался сделать это сразу по приезду, чтобы отправиться к старому другу уже совершенно свободным. «Это здесь», – сказал сторож. Они подошли к квадратному участку, окруженному низкими столбиками из серого камня, на которых крепилась тяжелая черная цепь. Множество одинаковых прямоугольных плит с именами и датами располагались на равном расстоянии друг от друга, за рядом ряд. На каждом лежал букетик свежих цветов. «Память Франции» вот уже сорок лет следит за содержанием участка, – сказал сторож. – Смотрите, вот его могила». Он указал на одну из плит в первом ряду. Жак Кормери остановился в нескольких шагах. «Не буду вам мешать», – сказал сторож. Кормери подошел к плите и рассеянно посмотрел на нее. Да, это была его собственная фамилия. Он взглянул вверх. В побледневшем небе медленно проплывали маленькие серовато-белые облачка, то пропуская, то вновь затеняя легкий свет. Вокруг на огромном кладбище царил тишина. Через высокие стены едва доносился приглушенный городской гул. Изредка вдалеке между могилами мелькал черный силуэт. Глядя на медленное движение облаков, Жак Кормери силился различить сквозь аромат влажных цветов слабый соленый запах, долетавший сюда с далекого неподвижного моря. Где-то вдруг звякнуло о камень ведро, выведя его из задумчивости. Он опустил глаза и прочел на надгробной плите дату рождения отца, которой, как он внезапно понял, никогда и не знал. Потом прочел обе даты вместе – «1885–1914» – и машинально подсчитал: двадцать девять лет. Его вдруг пронзила мысль, всколыхнувшая все его существо. Ему сейчас сорок. Человек, который лежит под этой плитой и приходится ему отцом, был моложе него[13 - Переход.].

И волна нежности и жалости затопила вдруг его сердце, но это было не то чувство, какое вызывает в сыне воспоминание о погибшем отце, а острое сострадание, которое зрелый человек испытывает к безвинно убитому ребенку. Что-то тут не укладывалось в естественный порядок, да и не было его, этого порядка, там, где сын оказывался старше отца, а были лишь безумие и хаос. Последовательное течение времени разбилось об него, Жака Кормери, неподвижно стоявшего между могил, которых он больше не замечал, и годы, смешавшись, вырвались из русла той великой реки, что вечно несет их к своему устью. Они сталкивались, с бурлением и грохотом, в гигантском водовороте, где Жак Кормери барахтался сейчас, борясь со смятением и жалостью[14 - Развитие темы войны 14-го года.]. Он смотрел на другие надгробия, на даты и видел, что эта земля усеяна мертвыми детьми, которые были отцами сидящих людей, считавших себя живыми. Ведь и он считал, что живет, он воспитал себя сам, он

сознавал свою силу, выдержку, умел бороться и владеть собой. Но сейчас, в охватившем его странном головокружении, он чувствовал, что та статуя, которую каждый человек постепенно лепит и обжигает в пламени лет, чтобы в итоге слиться с ней и, укрывшись внутри, ждать окончательного распада, стремительно трескается, разваливается на глазах. От всего, чем он был до сих пор, осталось лишь пронзенное тревогой сердце, страстно любящее жизнь и бунтующее вот уже сорок лет против устройства мира, где правит закон смерти, сердце, которое всегда жаждало преодолеть стену, отделявшую его от тайны жизни, преодолеть и очутиться по ту сторону, и узнать, узнать, прежде чем придет смерть, узнать наконец, чтобы быть – хоть однажды, хоть на един-единственный миг, но раз и навсегда.

Он припомнил свою жизнь, безрассудную, мужественную, неверную, упрямую, всегда устремленную к этой цели, о которой он ничего не знал, и, по сути дела, прошедшую без малейшей попытки выяснить, что же представлял собой тот, кто дал ему эту самую жизнь и отправился потом умирать куда-то за море, в неведомую ему землю. А каким сам он был в двадцать девять лет? Беспокойным, уязвимым, напряженным, волевым, чувственным, мечтательным, циничным и упорным. Да, и не только. Он был живым человеком, мужчиной в конце концов, но ни разу не подумал о своем отце как о живом человеке, а только как о незнакомце, промелькнувшем когда-то на земле, где он родился, и лишь знал со слов матери, что отец пал смертью храбрых и что он, Жак, на него похож. А между тем тайна, которую он так жадно стремился познать через книги и людей, была, как теперь ему казалось, связана с этим юным покойником, с его младшим отцом, с тем, чем он был и чем стал, с тем, что сам он искал так далеко и что оказалось так близко – и по времени, и по крови. Правда, ему никто никогда не помогал. Семья, где говорили мало, где никто не читал и не писал, мать, страдающая, рассеянная, – кто мог рассказать ему о его бедном молодом отце? Никто его не знал, кроме матери, которая забыла его. Жак был в этом уверен. И он умер незнакомцем на этой земле, где пробыл недолго, как чужой. Конечно, именно он, сын, должен был узнавать о нем, расспрашивать. Но тому, кто не имеет ничего и жаждет получить весь земной шар, недостаточно собственных сил, чтобы воспитать себя и покорить или понять мир. В конце концов, еще не поздно, можно еще заняться поисками, попытаться узнать, кто был этот человек, казавшийся ему теперь ближе всех людей на свете. Можно..

День угасал. Шорох юбки поблизости и чей-то силуэт в черном вернули его к зрелищу могил и неба. Пора было уходить, ему больше нечего здесь делать. Но он не мог оторваться от этого имени, от этих дат. Под темным надгробием не было уже ничего, кроме праха и пыли. Но для него отец снова жил, жил

странной безмолвной жизнью, и ему казалось, что он, Жак, опять бросает его, оставляет одного в этой ночи, в этом нескончаемом одиночестве, куда его швырнули и покинули. В пустом небе вдруг что-то оглушительно грохнуло. Невидимый самолет преодолел звуковой барьер. Повернувшись спиной к могиле, Жак Кормери зашагал прочь от отца.

3. Сен-Бриё и Малан (Ж. Г.) [15 - Глава, которую надо написать и выкинуть.]

Вечером, за обедом, Ж.К. смотрел, как его старый друг с какой-то тревожной жадностью поглощает вторую порцию баранины; поднявшийся ветер негромко шумел вокруг невысокого домика, расположенного в предместье, неподалеку от дороги к пляжам. Приехав, Ж.К. заметил в пыльной сточной канаве у тротуара обрывки высохших водорослей – только они да запах соли напоминали здесь о близости моря. Виктор Малан, проработавший всю жизнь в таможенном управлении, вышел в отставку и остался жить в этом городке, которого он не выбирал, однако впоследствии оправдывал это как выбор, говоря, что здесь ничто не отвлекает его от одиноких раздумий – ни чрезмерная красота, ни чрезмерное безобразие, ни даже само одиночество. Управление делами и руководство людьми открыли ему многое, и прежде всего, видимо, то, что мы почти ничего не знаем. При этом он обладал огромной эрудицией, и Ж.К. безмерно восхищался им, ибо Малан в эпоху, когда люди одаренные так скучны, был единственным человеком, способным мыслить независимо, насколько это вообще возможно, – во всяком случае, при внешней уступчивости обладал такой свободой суждения, что она граничила с самой неподдельной оригинальностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В сносках звездочкой обозначены варианты, надписанные в рукописи над строкой; буквой – пометки на полях, цифрой – примечания издателя.

Добавить геологическую безымянность пространства. Земля и море.

2

Сольферино.

3

потрескавшимися от старости.

4

или что-то вроде котелка?

5

в грубых башмаках.

6

Мальчик.

7

Темно?

8

Я воевал с марокканцами (двусмысленный взгляд) – дрянь люди.

9

1 Противоречит стр. 16: «прижавшись к ней, спал четырехлетний мальчик».

10

как некоторые клетки под микроскопом.

11

С самого начала показать в Жаке чудовище.

12

* тусклые.

13

Переход.

14

Развить тему войны 14-го года.

15

Глава, которую надо написать и выкинуть.

Купить: <https://tellnovel.com/alber-kamyu/pervyy-chelovek>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)